

НА СЛУЖБЕ
У ЕЁ
ВЕЛИЧЕСТВА
СМЕРТИ

ОРДЕН ХАРОНА

ЖЮЛЬЕН ЭРВЬЕ

Жюльен Эрвьё

**На службе у Ее Величества
Смерти. Орден Харона**

ИД "КомпасГид"

2019

УДК 821.133.1-3-93

ББК 84(4Фра=471.1)-44

Эрвьё Ж.

На службе у Ее Величества Смерти. Орден Харона / Ж. Эрвьё —
ИД "КомпасГид", 2019

ISBN 978-5-907514-71-3

Лондон, 1887 год. Элизабет, зажатая в тиски викторианского общества, не может публиковаться под своим именем. Она заключает сделку с известным в прошлом журналистом Уильямом Уордом, который давно перестал писать. Девушка получает публикации своих текстов под его именем, а Уорд – деньги. Все меняется, когда его убивают за провокационный материал. Элизабет, став свидетельницей преступления, пытается убежать, но тоже погибает. Однако смерть становится для девушки не концом, а началом совершенно другой жизни... Элизабет просыпается в собственной могиле и с помощью доктора Дункана Тёрнера присоединяется к Ордену Харона. Восставшие из мертвых – члены Ордена – должны выслеживать тех, кто уже избежал смерти или пытается отсрочить ее с помощью магии, ритуалов и даже вампиризма. Почему Харон выбрал Элизабет? Как жить теперь, когда впереди – почти вечность служения Смерти? И сможет ли девушка навсегда забыть свое прошлое? В книге «На службе у Ее Величества Смерти» Жюльену Эрвьё удалось совместить городское фэнтези, исторический роман и шпионский сюжет в декорациях викторианской Англии. Поклонники готических миров, заговоров и детективов наверняка уже обратили внимание на книги, изданные в «КомпасГиде»: трилогию Люси Пьера-Пажо «Тайны Лариспема», роман Антони Ино Комбрекслея «Почти полночь», а также графический роман Жака Тарди «Адель Блан-Сек. Необыкновенные приключения». Однако именно в романе Эрвьё сочетание древних легенд и пейзажей Лондона XIX в. с суперспособностями главных персонажей создает оригинальную атмосферу, которая позволяет по-другому взглянуть как на мифологию, так и на современную историю.

УДК 821.133.1-3-93

ББК 84(4Фра=471.1)-44

ISBN 978-5-907514-71-3

© Эрвьё Ж., 2019

© ИД "КомпасГид", 2019

Содержание

Пролог	8
Глава первая	10
Глава вторая	14
Глава третья	17
Глава четвертая	19
Глава пятая	23
Глава шестая	26
Глава седьмая	30
Глава восьмая	33
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Жюльен Эрвьё
На службе у Ее Величества
Смерти. Орден Харона

AU SERVICE DE SA MAJESTÉ LA MORT VOL. 1 L'Ordre des Revenants

by Julien Hervieux, the Author.

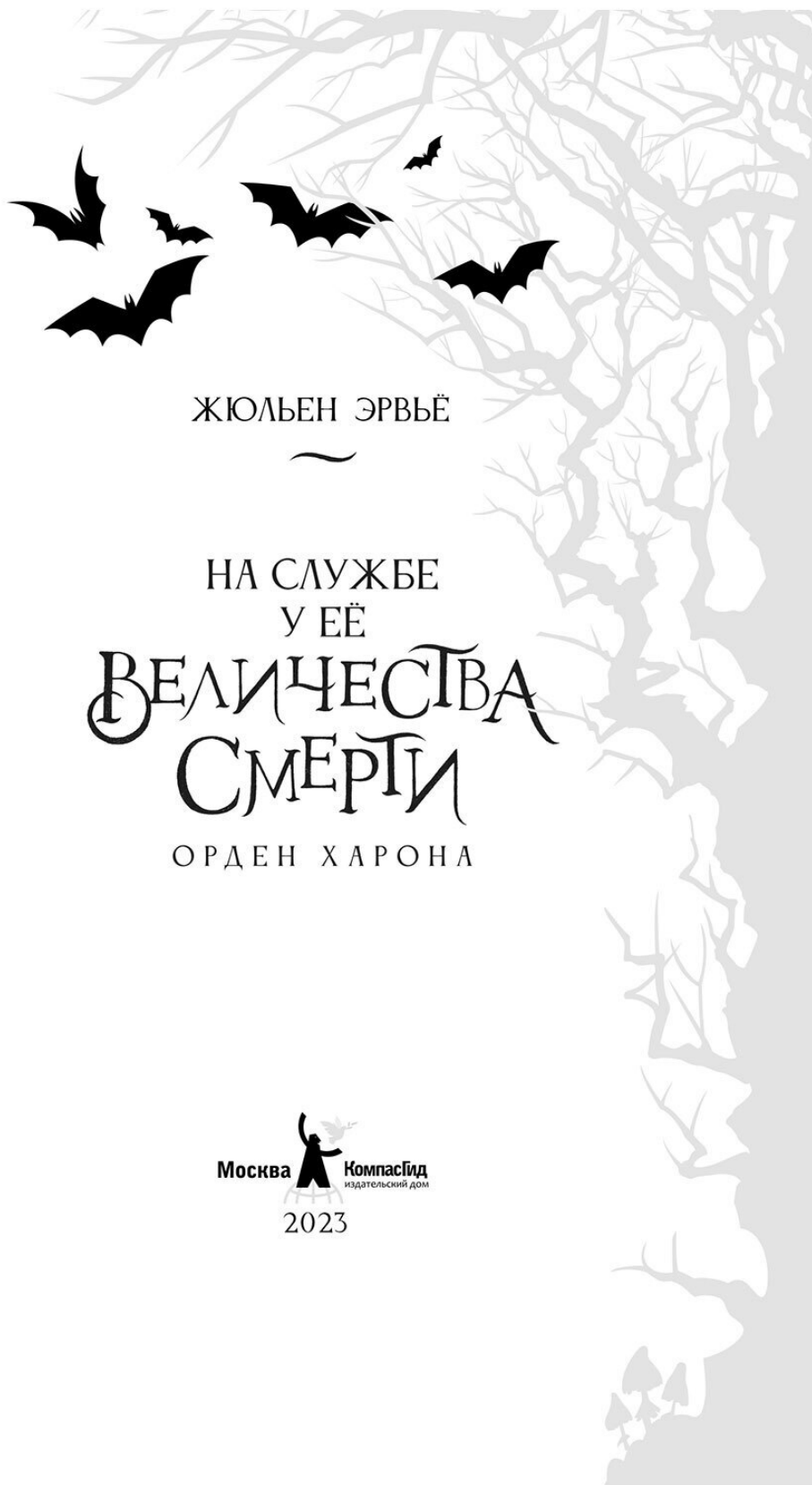
Éditions Bragelonne, 2019

Published by arrangement with SAS Lester Literary Agency & Associates

© Перевод, оформление, издание на русском языке. ООО «Издательский дом «Тинбук»,

2023

* * *

ЖЮЛЬЕН ЭРВЬЕ

НА СЛУЖБЕ
У ЕЁ
ВЕЛИЧЕСТВА
СМЕРТИ

ОРДЕН ХАРОНА

Москва КомпасГид
издательский дом
2023

Посвящаяю Одрэ, она знает почему

Пролог

Лондон, 1887

– Господи, ну открывайся же!

Дрожащими руками мужчина безуспешно пытался попасть ключом в замочную скважину и открыть дверь в свою квартиру на Боу-стрит. За его спиной скрипнула половица, и горожанин подпрыгнул от ужаса. Но в коридоре никого не было. В окна виднелся лишь далекий свет газовых рожков, затерянных посреди липкого тумана.

Наконец джентльмен попал ключом в скважину и тут же ввалился к себе домой, нервно хлопнув дверью. Лишь услышав щелчок запирающегося замка, он выдохнул.

Весь вечер ему казалось, что за ним кто-то следит. С того самого момента, как он распрощался со своими знакомыми в джентльменском клубе Миддл-Темпла, ему чудились тени в тумане. Расплывчатые тени. Они мелькали по бокам, но, как только мужчина оборачивался, тени тут же исчезали.

Уже на Боу-стрит, услышав шаги позади, он взмолился, чтобы по дороге встретился полицейский. А в тот момент, когда мужчина подошел к спасительному входу в свой дом, ему показалось, будто он увидел какого-то закутанного в плащ человека, наблюдавшего за ним из-за угла так пристально, словно тумана и не было вовсе.

Джентльмен понадеялся, что всё дело в количестве выпитого в клубе с друзьями. Чтобы оправиться от переживаний, он решил, что еще один стаканчик ему не повредит: не глядя бросил пальто и цилиндр на вешалку, проскользнул в едва освещенный уличными фонарями кабинет и схватил хрустальный графин.

Уверенность вернулась к нему, руки больше не дрожали. В полной тишине он налил себе выпить и больше уже ничего не слышал, кроме звука льющегося в бокал напитка. Алкоголь затуманил сознание.

С бокалом в руке мужчина подошел к единственному в комнате узкому окну. Снаружи никого. Ни экипажа, ни подозрительной тени – ничего. Только туман, словно пуховое одеяло, окутавший лондонскую ночь.

Почти допив горький напиток, он зажег керосиновую лампу.

В ее свете прямо перед ним, в другом конце комнаты, появился высокий человек в широком плаще и с пронзительным взглядом. Его едва тронутые сединой волосы ниспадали длинными прядями, обрамляя лицо, казавшееся в свете лампы еще страшнее. Незнакомец поднял бокал, который уже держал в руках.

– Опоздываете, мистер Кинли, – произнес незванный гость голосом, в котором сквозило разочарование.

– Кто вы? Что вам от меня нужно? – пролепетал Кинли, задрожав от страха. – Вы пришли по поводу моих долгов? Я заплачу, мне просто нужно еще немного времени, я скоро закончу свои исследования! Вы даже не представляете, каких результатов я добился!

Незнакомец неторопливо отпил из бокала и нырнул рукой в плащ. Кинли приготовился увидеть блеск оружия, но мужчина лишь положил перед ним лист бумаги. Написанный витиеватым почерком документ было сложно разобрать. Когда же Кинли наконец прочел, его глаза полезли на лоб.

– Боже... что вы такое? – в ужасе прошептал он.

– Мне кажется, вы уже поняли, мистер Кинли.

– Вы... убьете меня?

Незнакомец и бровью не повел. Он оглядел Кинли с головы до ног и заявил:

– Технически вы уже мертвы, мистер Кинли. Ваша душа просто пока опаздывает на встречу. Но если вы имеете в виду сокращение времени своего существования, то да, я убил вас, мистер Кинли. Несколько минут назад.

Он бросил взгляд в сторону хрустального графина.

Кинли понял. Яд. Дышать стало нечем. Он сорвал галстук и расстегнул верхнюю пуговицу на рубашке, но воздуха всё равно было мало. Кинли попытался позвать на помощь, но не смог выдать ни звука – только жалкий хрип. Ноги подкосились, он рухнул на колени и повалился на паркетный пол.

Незванный гость неторопливо перешагнул через него и принялся открывать один за другим ящики стола, игнорируя лежащее на полу тело. Потом вытащил ящики и поставил их друг на друга на столе. Закончив с последним, незнакомец схватил керосиновую лампу и разбил ее об эту башню.

Кинли задыхался, испуганно наблюдая постепенно угасающим взглядом, как исследование всей его жизни пожирал огонь. Его жизнь была кончена, а самое главное творение умирало прямо на глазах. Он успел подумать о том, как здесь разгорится пожар. Как найдут его обугленное тело. Никто и не узнает, что его отравили. Просто скажут, что он напился и случайно поджег дом.

Убийца вышел из комнаты, сохраняя спокойствие.

Несмотря на охвативший Кинли ужас, последняя мысль навязчиво вертелась в голове.

Наконец-то он узнает, что же там, на другой стороне.

Глава первая

Договор

По другую сторону витринного стекла простиралась серая и размытая улица. Ужасный ливень стеной обрушился на британскую столицу, и казалось, что мир исчез, растворился в крупных каплях дождя. Еще не было и четырех, а внутри магазина, где витал тяжелый запах табака, уже зажглась лампа, отбрасывая на витрину пляшущие блики. Мыло, масло, пудра, сигары, свечи, алкоголь – всё смешалось в этом странном организованном хаосе. Мистер Мур, владелец магазина, действительно заботился, чтобы у каждой вещи было свое место, отмеренное ей с точностью до миллиметра.

– Как обычно?

Сложив руки на огромном пузе, которое всё равно виднелось из-под фартука, мистер Мур улыбнулся редкими зубами девушке по ту сторону прилавка. Она поправила прядь рыжих волос и вежливо улыбнулась в ответ.

– Да, и мне еще нужны новые перья. И это, пожалуйста, – сказала она, показав на флакончик чернил, дожидавшихся своего покупателя.

– Конечно, конечно... Оплатите сейчас или записать на ваш счет?

– Запишите на счет, пожалуйста.

– Тогда надо поставить подпись, мисс Блэк... Секундочку.

Мистер Мур пошарил под прилавком в поисках желтоватого листка бумаги. Потом долго копался, неуклюже выводя сумму покупки, считая на пальцах, чтобы не ошибиться. Затем он корявым почерком написал внизу листка «Элизабет Блэк» и протянул его покупательнице – та уже аккуратно складывала покупки.

– Вы заплатите до следующей пятницы?

– Да, мистер Мур. Как обычно, вы не беспокойтесь.

– О, я и не беспокоюсь, мисс Блэк. Я это по привычке.

– Прекрасно понимаю. Мне пора, мистер Мур, хорошего вам вечера!

– Мисс Блэк, подождите! Вы промокнете насквозь!

Но Элизабет уже закрыла за собой дверь, звякнув висевшим при входе колокольчиком, и очутилась под проливным дождем и пронизывающим ветром. Запах мокрой брусчатки смешался со странной вонью, поднимавшейся от Темзы. Сквозь шум барабанивших по мостовой капель дождя доносились гудки лениво плывущих по реке пароходов.

Худо-бедно прячась от ливня, Элизабет прошагала добрую часть лабиринта лондонских переулков, который она знала наизусть. Девушка прошла мимо небольших мастерских, откуда доносился шум работавших ткачей, прежде чем оказаться в Ист-Энде, где она жила последние три года. Поворот налево, затем – направо, и вот она уже открывает дверь своего дома.

Перепрыгивая через ступеньки, Элизабет взлетела на четвертый этаж, вошла в квартиру, повесила пальто, сложила покупки и повалилась в старое кресло. Местечко было из уютных: Элизабет тщательно следила за порядком. Спальня с кроватью, окруженной милыми ее сердцу с детства безделушками; старинный деревянный стол в гостиной, за которым можно было и есть, и работать часами напролет. В ванной мирно сушилось над лоханью белье. Рядом располагалась кухня, хотя и маленькая, но в ней всего хватало.

Но самой очаровательной комнатой в квартире была каморка с видом на внутренний дворик. Хозяин квартиры понятия не имел, как использовать помещение, а Элизабет сделала из него библиотеку. Свою библиотеку. Она сложила на полу целую гору подушек, как на изображавших Индию картинках, и купила толстое покрывало, чтобы накрываться им, когда походит. Закрыв дверь, Элизабет усаживалась поудобнее на полу в окружении стеллажей, откуда

на нее смотрели произведения Чарльза Диккенса, Жюль Верна или сказки братьев Grimm. Так, укутавшись покрывалом в самом сердце своего тайника, она жадно поглощала недавно купленные книги.

Конечно, квартира маленькая, но ей больше и не требовалось. Аренда была разумной, а район – спокойным, правда, не в часы окончания работы мастерских, когда на улице суежилась толпа рабочих. Они громко здоровались друг с другом, а затем растворялись среди улиц и аллей, слабо освещенных фонарями.

День подходил к концу, и это было ее любимое время. Покупки сделаны, больше не нужно выходить на улицу и мокнуть под дождем. Теперь из своего убежища Элизабет могла наслаждаться пейзажем, глядя, как небо изливается на крыши. Дела шли лучше, чем обычно: ее последняя статья закончена, о чем свидетельствовала безупречная чистота на столе. От нее обычно не оставалось и следа, когда девушка напряженно работала, завалив всё вокруг кипами бумаги. Только сама Элизабет могла найти что-то среди подобного беспорядка. Теперь оставалось лишь отправить вечером материал Уорду и получить гонорар.

Элизабет поставила греться чайник. Лучше момента и не придумаешь: она обожала пить чай, слушая дождь. Девушка принялась раскладывать покупки. Проходя мимо зеркальца в спальне, она неожиданно заметила свое отражение. Ее рыжие волосы спутались. Элизабет вздохнула. Но не из-за беспорядка в причёске – такое часто случалось, когда надеваешь капюшон, чтобы не промокнуть. Нет, она вздохнула потому, что ничего не делала, чтобы исправить ситуацию. В последнее время ей пришлось свыкнуться со многими вещами. Она больше не заботилась о своем внешнем виде, как раньше. Элизабет прищурилась, разглядывая свой вздернутый носик.

– Куда делась Элизабет Блэк, мисс Блэк? Куда делись ее мечты? – устало спросила она у собственного отражения.

Ребенком Элизабет воображала, как станет великой путешественницей, будет развезать по дальним странам, изучать новые города, встречаться с людьми из разных уголков света. Она хотела писать, рассказывать о мире тем, кому, в отличие от нее, не повезло его посмотреть. Элизабет представляла, как развезает по всей Британской Индии, любитесь чудесами Кохинхины. И, кто знает, может быть, даже присоединится к какой-нибудь археологической экспедиции в поисках позабытых древностей в Египте или Южной Америке?

Как только Элизабет доросла до путешествий, она покинула родительский дом в Саутгемптоне и поселилась в Лондоне – первое приключение. Отец и мать пытались удержать ее, убедить остаться и поработать в семейном магазинчике, но всё было впустую: Элизабет следовала за своей мечтой. Едва приехав в столицу, она решила наладить отношения с редакциями, чтобы те покупали ее рассказы и оплачивали путешествия.

Увы, дела пошли далеко не так, как планировалось. Поиски ничего не принесли, денег становилось всё меньше и меньше. Элизабет наотрез отказывалась возвращаться к родителям: ей понравился вкус свободы, и она не хотела с ней расставаться. Тогда девушка принялась искать работу. Именно поэтому вот уже почти два года она пишет для мистера Уорда. День за днем, чтобы оплатить аренду. Постепенно у нее сложились свои привычки: всегда начинать писать в восемь утра, всегда ходить за покупками по пятницам до четырех часов после полудня, всегда обращаться за канцелярскими принадлежностями исключительно к мистеру Муру... Именно так ее жизнь превратилась в длинную череду следующих одна за другой обязанностей, в беспросветную рутину. Прямая противоположность путешествиям и приключениям. Рутинa – это ад.

Почувствовав, как ею овладевает досада, Элизабет прогнала эти мысли из головы и отправилась в свою маленькую библиотеку – то место, где она чувствовала себя лучше всего. С Жюлем Верном в одной руке и чашкой горячего чая в другой она отдалась власти воображения. Открыв наугад «Вокруг света за 80 дней», Элизабет невольно прочла: «Приняв то

или другое направление, бизоны следуют ему, не обращая внимания на препятствия»¹. И она вспомнила о том направлении, которому решила следовать в детстве.

Элизабет долго не отрывалась от книги, пока не услышала, как церковный колокол пробил семь. Она вскочила на ноги, схватила со стола стопку листов и выбежала из квартиры, хлопнув дверью.

– Мисс Блэк... Присаживайтесь.

Уильям Уорд встал с грязного матраса, на котором развалился, и подвинул стул. Казалось, его тщедушное тельце, на котором едва держалась голова с глубокими чертами лица и поседевшими волосами, вот-вот сломается, изнуренное долгими годами потребления опиума.

Элизабет не имела ничего против Уильяма Уорда; напротив, именно благодаря ему девушка смогла остаться в Лондоне. Однако она не выносила это место, которое не могла назвать иначе чем *берлога*. Ей было не по себе в тесной комнатухе со скрипящей кроватью, грязным матрасом и шкафом, забитым износившейся одеждой, у которой уже не было ни формы, ни цвета. На полу валялись десятки и десятки пустых флакончиков из-под опиумной настойки. Грязные и рваные обои на стенах только больше нагнетали атмосферу. Не было ничего, что могло скрасить уныние этой комнаты.

Мужчина не обратил никакого внимания на покотившиеся по полу пустые склянки, которые случайно задел ногой.

– Дайте-ка почитать.

Он рухнул обратно на кровать, отчего пружины жалобно заскрипели, и достал из кармана пенсне. Его губы лихорадочно шевелились, когда Уорд перечитывал слова и предложения. На девушку он даже не взглянул. Элизабет молча стояла на месте и наблюдала.

– Блестяще, блестяще... Очень хорошая статья, – произнес наконец журналист. – Завтра же отнесу ее в редакцию «Морнинг пост».

– Благодарю вас, – скромно ответила Элизабет.

Казалось, Уильям Уорд совершенно забыл, что она здесь, поэтому девушка продолжила:

– Вы пообещали заплатить, когда я...

– Ах да, конечно-конечно! – воскликнул он, доставая пару мятых купюр из кармана. – Вот ваша доля, как обычно. Но я придерживаюсь своего мнения, что такая сделка очень невыгодна для вас, – смутившись, сказал журналист.

«Естественно, невыгодна», – подумала Элизабет. Никто не хотел печатать ее заметки под именем Элизабет Блэк. Конечно, ей прямо об этом не говорили, но женщина из народа, которая пишет статьи, – это было просто «неприемлемо».

И вот однажды, после того как ей снова отказали в очередном журнале, она встретила Уильяма Уорда, который как раз выходил из редакции.

Он считался известным журналистом, но все знали, что пишет Уорд всё меньше и меньше, так как пристрастился к опиуму. Ему не исполнилось еще и сорока, а выглядел он на все пятьдесят – казалось, всё тело его словно сгорало изнутри, а черты лица старели день ото дня. У Уильяма Уорда было имя, но его перо затупилось, он исписался – внутренние демоны забрали у журналиста последний талант. Перо Элизабет было остро, но об известности приходилось только мечтать. Им не потребовалось много времени, чтобы договориться. Она пишет, а он ставит подпись.

За несколько недель денежки потекли прямо к Элизабет в карман, и слухи о том, что Уильям Уорд снова в строю (пишет он, конечно, иначе, поговаривали критики, возможно, из-за перенесенных трудностей), разлетелись в тесном мире лондонских журналистов со скоростью

¹ Перевод Н. С. Габинского.

света. Элизабет думала, что скоро сможет избавиться от этой сделки, рассказав всем, что статьи Уорда написала на самом деле она. Уорд, в свою очередь, полагал, что помощь Элизабет – решение временное и что скоро он начнет работать сам.

По крайней мере, так это им тогда представлялось.

Но когда Элизабет смотрела на его измученное, исхудавшее тело, на то, с каким трудом Уорд передвигался по этой грязной дыре, она боялась представить себе, что с ним будет, если перестать ему помогать. Именно она вернула ему имя. Благодаря ей он был вообще жив. К тому же журналист сам каждый раз подчеркивал несправедливость происходящего.

– Родись вы мужчиной, уже давно стали бы известной, мисс Блэк. У вас золотая голова и золотые руки.

– Спасибо, мистер Уорд. Я надеюсь, что в конечном итоге редакторы сойдутся с вами во мнении.

– Я тоже на это надеюсь... Да, очень надеюсь...

Журналист провел рукой по седым волосам и поморщился, заметив оставшуюся в руках прядь. Элизабет расстроилась, в очередной раз убедившись, как человек, за эти месяцы ставший ей чуть ли не единственным другом, опускается на самое дно. Она не могла молча на это смотреть.

– Мистер Уорд, мы не в первый раз об этом говорим, но... вам действительно необходимо взять себя в руки, – сказала, взвешивая каждое слово, Элизабет. – Так не может продолжаться. Вам просто необходимо стать тем, кем вы были до того, как увлеклись опиумом.

– Вам хотелось бы расторгнуть договор, так, мисс Блэк? – спросил он, испугавшись.

– Нет, я совершенно не об этом! Я беспокоюсь о вас! Вы заперлись здесь и угасаете на глазах! Мы живем лишь раз, мистер Уорд. А вы талантливый журналист. Вам просто сейчас... *слишком плохо*, чтобы снова писать, – взволнованно проговорила она, стараясь избегать грубых выражений.

– Я бы хотел, – угрюмо ответил Уорд. – Но у меня просто не выходит. Я даже не знаю, с чего начать.

– Спросите себя: что сказал бы тот великий Уильям Уорд из прошлого, увидев вас сегодня? И что бы он сделал?

Уорд спрятал глаза, устыдившись одной только мысли об этом. Его взгляд упал на один из пустых флакончиков из-под опиума.

– Я подумаю над этим... – устало пробормотал он. – Всего доброго, мисс Блэк.

Элизабет вздохнула, глядя, как Уорд опять развалился на матрасе посреди всего этого беспорядка. Она закрыла за собой шаткую дверь и отряхнула пальто.

И немедленно пожалела, что дождь кончился, – ее одежда насквозь пропахла опиумом, как и всякий раз, когда она навещала Уильяма Уорда.

Глава вторая

Кингс Брис

«...И именно по этой причине постановление в ближайшем будущем представят на рассмотрение парламента. Принято оно было единогласно, без лишних возражений. Официального заявления еще не поступило, однако это лишь вопрос времени».

Элизабет перечитывала статью в «Морнинг пост» уже в пятый раз. Не потому, что ее заинтересовала тема, а из-за подписи: «Уильям Уорд». И на сей раз ей не принадлежало ни строчки. Слог был простым, кое-где немного неуклюжим, но статью написал Уорд – он вернулся в журналистику.

Прошло две недели с их последней встречи, и Уорд, кажется, решил последовать ее советам. Может, даже слишком быстро, словно человек, оправившийся после болезни и решивший бегать, хотя едва ходит, но в любом случае Уорд снова был в деле.

Конечно, Элизабет понимала, что возвращение Уорда в журналистику не в ее интересах, поскольку зарабатывала на жизнь, пописывая для него статейки. Однако она не могла позволить ему скатиться на самое дно. К тому же на то была и другая причина: девушка вовсе не собиралась писать за него до конца своих дней, хотя у их договора имелись свои преимущества. Иногда нужно рискнуть, чтобы чего-то добиться. И теперь она хотела рискнуть. Элизабет желала изменить свою жизнь.

Но перемены наступили даже раньше, чем она ожидала.

Действительно, возвращение Уорда положило конец их сотрудничеству, однако Элизабет была готова к переменам. С его разрешения она наконец-то расскажет, что в течение долгих месяцев писала вместо самого Уильяма Уорда. И нет никаких сомнений, что с подобной поддержкой ее обязательно примет какое-нибудь издательство, женщина она или нет. Элизабет сможет писать под собственным именем, и ее жизнь примет новое направление, то самое, которого она так долго ждала. Ей казалось, что наконец-то подходящий момент наступил.

Элизабет сгорала от нетерпения, желая пойти и похвалить Уорда за его отвагу. Ведь, поступив таким образом, он спас не только себя, но и ее – от пожирающей вот уже долгое время рутины.

Пришла пора с ним встретиться, чтобы поздравить с возвращением и поговорить о будущем.

Уже стемнело, когда она подошла к дому журналиста с номером «Морнинг пост» в руках. Но едва Элизабет открыла дверь здания, как столкнулась нос к носу с усатым лысым консьержем, который мыл при входе пол. Тот сразу понял, к кому пришла девушка.

– Мисс Блэк! – воскликнул он. – Если вы ищете мистера Уорда, он очень спешил и умчался двадцать минут назад. Взял только пальто и блокнот! Очень приятно видеть его таким, понимаете, ведь...

– Да, действительно, но вы не знаете, куда он мог пойти? – быстро спросила Элизабет, которая прекрасно понимала, что, если консьерж продолжит свой рассказ, она никогда отсюда не выйдет.

– А, конечно! Он спросил меня, где находится «Кингс Брис». О, это дрянная дыра где-то в доках. Может, ему туда и надо по работе, но я бы не советовал там появляться, потому что там играют в карты портовые ребята, – так я ему и сказал, – а это не самое приятное окружение. К тому же там...

– Вы можете дать мне адрес этого «Кингс Брис»?

Элизабет казалось, что она напрасно теряет время, и девушка едва удерживалась от нетерпеливых вздохов. Каким-то чудом ей удалось прервать словоизлияния консьержа, который сосредоточился и назвал адрес места, куда отправился Уильям Уорд. Затем она наконец покинула здание, уже не обращая внимания на настоящий ливень предупреждений и слухов, который обрушил на нее усатый консьерж.

Конечно, Элизабет могла бы дожждаться Уорда. Но она просто сгорала от нетерпения: ей хотелось, с одной стороны, поздравить его, а с другой – посмотреть на Уорда в деле, чтобы окончательно прогнать все воспоминания о злоупотребляющем опиумом человеке на грязном матрасе.

По дороге к Темзе Элизабет заметила, что улицы становились уже, а здания казались в сгустившихся сумерках длиннее. Ей доводилось бывать в доках, когда она собирала материал для статей, но не в этой части города. Элизабет шла одна среди мрачных стен и уже начала задумываться о том, что стоило бы дожждаться Уорда у него дома. Однако нетерпение буквально несло ее вперед. К тому же начинающая журналистка не первый раз посещала неблагополучные районы Лондона – готовя очередной материал, видала она местечки и похуже.

По грязным портовым грузчикам с грубыми лицами было сразу понятно, чем они занимаются. Они нагло разглядывали девушку, но Элизабет вовсе не собиралась удовлетворять их желания. С решительным выражением на лице она почти бежала вперед, не позволяя себя запугать, – ей *необходимо* найти Уорда.

Только заметив поскрипывающую на ветру кованую вывеску в форме короны, Элизабет поняла, что добралась до места. За грязными окнами в слабом свете ламп она разглядела игровую комнату, где с десятков хохочущих мужчин играли в карты.

Какая-то компания моряков в форме торгового флота переругивалась в углу комнаты, их грязные волосы слиплись – наверняка мужчины не мылись уже несколько недель. Великан с бритым черепом и грубым лицом наблюдал за игрой в карты, его губы нервно дергались каждый раз, когда кто-нибудь из игроков делал ставку. Чуть дальше курила трубку какая-то женщина: поношенная юбка танцовщицы виднелась из-под небрежно наброшенного на плечи мужского пальто. Вокруг смердело дешевым табаком. Несколько болтавшихся на улице пьяных матросов широко оскалили редкие зубы, завидев у притона девушку.

– Эй, рыжая! Подойди-ка сюда. Тебе нравятся моряки? Я столько историй могу тебе порассказать, ну же! А может, и бутылочку разопьем, а? Что думаешь?

Элизабет вздохнула. Она ненавидела такие места, но ничто не могло остановить начинающую журналистку, когда та шла по следу. Местные пьянчуги были не из лучших собеседников. Под громкий хохот моряков девушка свернула на ближайшую улочку.

Вдруг она услышала голос, который узнала сразу – Уильям Уорд. Однако Элизабет не понимала, откуда этот голос доносился. Соседний переулок казался пустым, звуки отскакивали от стен и рассеивались по всей округе. Но вот она услышала его снова. Элизабет пришла сюда, чтобы повидаться с Уордом, и не собиралась уходить ни с чем. Неожиданно до нее донесся другой голос, незнакомый, но очень властный, и ей показалось, что тот человек разговаривал с Уордом.

Может, они ссорились? Любопытство юной девушки разыгралось еще сильнее. Она подошла ближе. Кажется, разговаривали позади дома. Ночь уже наступила, и окутавшая улицу мгла укрепила Элизабет в уверенности, что ей удастся спокойно спрятаться в темноте, оставшись незамеченной.

– ...Обязательно тебе в дерьме копать, – произнес хриплый голос, заглушенный каким-то шумом, который девушке не удалось распознать.

Она оглянулась, чтобы убедиться, что никто за ней не наблюдает, и прошла чуть дальше вдоль обшарпанной стены, нервно откидывая со лба прилипшие рыжие пряди.

– Не мог и дальше тихо сидеть со своими опиумными склянками, Уилли? Зачем ты вернулся к делам?

Теперь девушка отлично слышала хриплый голос, и ей стало тревожно. Было очевидно, что мужчина угрожал Уорду – она в этом убедилась. Ее сердце бешено заколотилось. Элизабет даже не понимала, от страха или же... по какой-то другой причине. Вдруг она поняла, что подобралась к ним достаточно близко, чтобы *видеть* происходящее.

– Теперь тебе не так любопытно, а? Делишки парламентариев уже меньше интересуют?

Хрип раздавался всё громче и громче, затем Элизабет услышала стоны. Она задержала дыхание. Уильяму не просто угрожали. Ему причиняли боль. Что происходит? Он в опасности. А если Элизабет подойдет еще ближе, то и она тоже. Ее решительность на мгновение угасла, но любопытство все-таки взяло верх. Медленно, тайком, она выглянула из-за угла здания, и ее глазам предстала жуткая сцена.

Посреди улицы два человека в поношенных кожаных кепках и выцветших рубашках пинали скорчившегося и стонущего мужчину. Элизабет сразу узнала его – мистер Уорд. Рядом стоял экипаж. В открытую дверцу виднелся человек в черном дорогом костюме и цилиндре. Он стоял на подножке, освещая жуткую сцену фонарем.

– Ты выбрал не тот день, чтобы вернуться к делам, Уорд, – произнес мужчина в экипаже. Фонарь освещал лишь его ноги, лицо было скрыто в тени. – К тому же ты полез куда не просили. Прощай, Уильям.

Элизабет застыла в ужасе, она не могла сдвинуться с места. Мужчина достал из кармана блестящий револьвер и, не обращая внимания на вымученные мольбы Уорда, выстрелил.

Вспышка на мгновение осветила улицу. Услышав глухой стук головы Уорда о брусчатку, Элизабет вскрикнула. Этот крик удивил ее не меньше, чем убийц. Все трое посмотрели на нее, и мужчина в экипаже небрежно бросил:

– Убрать свидетелей.

Дверца за ним захлопнулась, и двое вооруженных мужчин направились к Элизабет.

Глава третья

Добежать до Темзы

При виде двух бросившихся за ней мужчин Элизабет овладела паника. Ее ноги задрожали. Времени на размышления не было, она свернула в ближайший темный переулок.

Ни о чем не думая, девушка просто бежала, сворачивая то вправо, то влево на каждом перекрестке. Если она начинала размышлять, перед глазами всплывала сцена с повалившимся на землю Уордом.

Элизабет все-таки обернулась и увидела, что преследователи находились в паре десятков метров от нее: один размахивал ножом, а второй револьвером. Девушка вздрогнула от одного только вида направленного в ее сторону оружия. Убийцы нагоняли ее и кричали:

– Стой! Бежать некуда!

Казалось, ничто не в силах их остановить. Элизабет петляла снова и снова, надеясь найти оживленную улицу, чтобы от нее отстали, но просто потерялась в лабиринте портовых доков. Все вымощенные мокрой брусчаткой улочки, вдоль которых тянулись лишь огромные складские помещения из красного кирпича, в темноте казались похожими друг на друга. Даже фонарей здесь не было. Свернув на очередном перекрестке в надежде сбить со следа преследователей, Элизабет осознала, что она уже там пробегала. В висках стучало, грудь разрывало от прерывистого дыхания, но звуки шагов гнавшихся за ней мужчин неумолимо приближались.

Вдруг она заметила в одном из складских помещений разбитое окно, блестящее в свете поднявшейся луны. Элизабет собралась с последними силами, чтобы забраться внутрь. Она прыгнула и приземлилась на пол. Стук каблуков по каменному пыльному полу звонко отозвался по всему зданию. Девушка оказалась в пустом помещении, где было всего лишь несколько ящиков и целая орава крыс, которые, напуганные ее внезапным появлением, с писком разбежались в разные стороны, прячась в трещинах стен.

Элизабет попыталась восстановить дыхание. Прийти в себя. Но тут же снаружи раздались шаги преследователей – они неслись во весь опор. Девушка закрыла глаза и взмолилась про себя, чтобы те пробежали дальше и не заметили ее. Но для этого надо сидеть тихо как мышь.

«Ну же, Элизабет! Не волнуйся, не плачь! Тебе нужно просто дождаться, пока они уйдут, а потом...»

Но у нее не было времени продумать план действий. Шаги снаружи затихли. Ее преследователи тоже заметили разбитое окно. Они остановились. Осмотрелись. Но больше не слышали, как она убегает. Они поняли, что девушка спряталась.

Здесь.

Из разбитого окна показалась голова в кожаной кепке.

– Она тут! – воскликнул мужчина.

Сидевшая на корточках Элизабет резко вскочила и со всех ног помчалась к двери в другом конце склада. К счастью, дверь оказалась заперта лишь на крючок: в мгновение ока она открыла ее, выскользнула на улицу и побежала вперед. Задыхаясь, Элизабет заметила танцующие в темноте блики – Темза.

С берега было видно едва освещенную баржу, поднимающуюся по реке. У Элизабет зажглась искра надежды, вместе с крупными каплями начинавшегося дождя к ней вернулись силы. Если удастся добраться до набережной, там точно будут грузчики или моряки, они ей помогут, возможно, там даже встретятся патрулирующие окрестности полицейские. Недолго думая, девушка помчалась прямо к реке: она знала, что двое мужчин по-прежнему за ней гонятся.

Набережная приближалась, характерный запах Темзы уже ударил ей в нос. Элизабет неслась что есть мочи, отсчитывая каждый метр, отделявший ее от реки, где она наконец-то будет в безопасности. По крайней мере, она на это надеялась.

Мужчины бежали всего в нескольких метрах позади. Каждый раз, когда их ноги шлепали по лужам, брызги долетали до Элизабет, к тому же она слышала их дыхание, будто они пыхтели прямо у нее за спиной.

Осталось лишь несколько метров. Несколько метров – и Элизабет спасена.

Добежав до набережной, она заметила на противоположном берегу чей-то силуэт в каске – патрульный.

– На помощь! – закричала девушка, услышав позади шаги преследователей.

Но стоявший слишком далеко полицейский, казалось, ее не замечал. Элизабет крикнула снова.

Еще пара шагов. Пара шагов – и она точно спасена. Двое по-прежнему бежали за ней в темноте. Вдохнув как можно глубже, собравшись с последними силами, Элизабет завопила:

– На помощь!

Три метра до конца переулка.

Полицейский услышал ее и поднес свисток к губам. До Элизабет донесся пронзительный свист, отозвавшийся по всей округе.

Еще метр – и всё.

В ответ раздался переливчатый звук нескольких свистков. Другие полицейские были рядом, она спасена, это точно. Служитель порядка уже бежал к ближайшему мосту, чтобы переправиться через реку и помочь ей. Вокруг Элизабет свист звучал всё громче.

Девушка выбежала к реке. Промокшая, изнуренная, со слезами на глазах, в ужасе, но полная надежды, что теперь, когда она добралась до Темзы, а полицейские заметили ее, всё наладится. Прямо над Элизабет на стене склада висел фонарь, отчетливо высветивший из темноты ее силуэт. Она хотела броситься к мосту, к полицейскому, как вдруг услышала за спиной хриплый голос:

– Сколько шума. На этот раз я тебя разглядел, малышка. Убрать свидетелей.

Раздался оглушительный выстрел – и стало больно. Девушку ранили прямо в спину, ноги ее остановились и подкосились, словно испорченный механизм. Элизабет медленно выдохнула, но вдохнуть больше не получалось. Она почувствовала во рту металлический привкус крови. Мало-помалу глаза застилала пелена. Полицейский постепенно растворился вдали, свистки угасали один за другим.

Наконец всё утихло, и наступила ночь. Теплое тело Элизабет Блэк качнулось вперед и упало в Темзу.

Глава четвертая

По ту сторону

Говорят, когда умираешь, вся жизнь проносится перед глазами.

Это не совсем так.

Просто внезапно обнаруживается, что последняя страница книги уже перевернута и ты больше никогда не увидишься с ее персонажами. Но ты уже по ним скучаешь. Тебе бы очень хотелось к ним вернуться, но это невозможно потому, что всё кончено навсегда. Вот что ощущаешь, когда смерть берет верх над жизнью. Появляется время на сожаления, на размышления о том, как остальные воспримут твоё исчезновение, – и вот ты уже рыдаешь от боли, которую они испытают.

Элизабет мгновенно вспомнила о родителях – они где-то там, далеко. Как они узнают о ее смерти? Что подумают? Она горько пожалела о своем уходе и всё бы отдала, чтобы снова оказаться дома и их обнять. Увидеть папин бакалейный магазинчик. Вдохнуть запах свежестиранных маминых платьев.

Девушка не могла ни говорить, ни двигаться. Ей казалось, что она парит в воздухе. Там, внизу, Лондон продолжал жить своей жизнью. Без нее. Она была не в силах что-либо изменить, и ей почудилось, что ее просто заперли в жутком кошмаре.

Элизабет отчетливо увидела тело с выпученными глазами и открытым ртом. Оно плыло по серой реке. Судно речной полиции направилось в его сторону. Полицейские на борту вооружились шестами с крюками на конце. Как только судно подплыло к труп, они зацепились крюком за длинное пальто девушки и безо всяких сожалений порвали его, когда затаскивали тело на борт.

Рыжие волосы прилипли к бледным щекам, в глазах застыл ужас, это порванное пальто... Элизабет едва узнала собственное тело. С ужасом она наблюдала за сценой, но ей не удавалось выдать из себя ни звука. Она даже не слышала, что говорили полицейские вокруг нее... точнее, вокруг того, кем Элизабет когда-то была.

Дождь всё еще моросил, смывая кровь с лица жертвы. Внимательно осмотрев тело при свете висевшего фонаря, один из офицеров нагнулся над ним и закрыл глаза.

Элизабет хотела крикнуть им, что всё еще видит и слышит их. Что она не умерла. Но ничего не произошло – ей оставалось лишь беспомощно смотреть этот жуткий спектакль.

Девушка потеряла счет времени. Судно поднялось по Темзе и причалило к набережной. Ее тело положили на носилки и погрузили в повозку. Один полицейский с такими же рыжими, как у нее, волосами и другой, куривший трубку, взяли на себя обязанность перевезти тело по улицам города.

Вокруг них судачили люди, но Элизабет их не понимала. Они говорили то ли слишком быстро, то ли слишком медленно – она уже ни в чем не чувствовала себя уверенной. На самом деле Элизабет даже не сознавала, слышит ли их вообще. Однако она видела, как шевелятся их губы, пока повозка катилась по лондонским улицам, где, несмотря на ее смерть, жизнь продолжалась. Толпа зевак ничего не знала о трагическом происшествии, да и им было на это плевать. Они веселились, пили и разговаривали, как будто для того, чтобы напомнить Элизабет о жестокости жизни: ведь мир не остановился. Даже без нее. А для всех этих людей Элизабет Блэк была никем. Она никогда для них не существовала.

Медленно проехав вперед, повозка остановилась перед широким зданием с решетками на окнах. Двое полицейских пронесли тело на носилках по холодным желтым коридорам, наполненным людьми в мрачной одежде.

Они остановились в каком-то помещении, сняли тело Элизабет с носилок и положили на длинный стол. Ее личные вещи сложили в мешочек, который полицейские забрали с собой, оставив ее наедине с мужчиной в костюме, чья лысина блестела будто отполированная.

Тот наклонился над телом, убрал волосы с лица мертвой девушки и осторожно расправил их на столе, будто хотел просушить, затем приоткрыл веки, чтобы проверить зрачки. Наконец он что-то записал в тетради, лежавшей на безупречно убранном столе. Мужчина осмотрел труп, перевернул его. Он внимательно обследовал спину в том месте, где одежда была разорвана и испачкана в крови. Затем, с помощью длинных щипцов, извлек пулю и принялся снова что-то долго писать. В конце концов мужчина погасил одну за другой свечи и вышел, оставив Элизабет в холодном темном помещении.

Она попыталась закричать, но снова не вышло. Она испытывала отвращение к этому мужчине, бесцеремонно прикасавшемуся к ее телу, ужасаясь, что он ее не слышал. К смерти добавилось унижение. Журналистка наблюдала за каждым движением, улавливала малейший жест, пытаясь выразить словами, пусть мысленно, то странное и неприятное, что с ней происходило. Но Элизабет – юная, неопытная девушка – задыхалась от гнева и страха.

Внезапно всё исчезло. Мгновение спустя Элизабет снова была *внутри тела*. Она очутилась где-то посреди каменистой равнины, где свистел ледяной ветер – девушка чувствовала, как ее пронизывает холод, прямо сквозь дырку в пальто на спине.

Как только она сделала шаг, то закричала от боли: острые камни впивались в ступни. На ней не было обуви. Элизабет позвала на помощь, но в ответ услышала лишь завывания ветра. И шепот, похожий на ее собственный голос. Поднялся густой туман – он окутал девушку, скрывая горизонт. Ей стало ужасно холодно.

И вдруг до нее издалека донеслось журчание реки. Элизабет некуда было идти. Поэтому она решила двигаться на этот звук. Сколько времени она шагала? Девушка и понятия не имела. Неожиданно перед ней появился берег широкой реки: ее спокойные воды плескались у израненных ног Элизабет. Странно, но ей показалось, что она достигла цели, наконец-то добралась до места, где ей следовало находиться.

Тело ее замерло. Элизабет не могла оторвать взгляда от реки. Но ей удавалось думать. В голове сменялись тревожные вопросы. Где-то там, вдалеке, она заметила других людей – они тоже выходили из тумана и останавливались у воды. Среди них мужчины, женщины, дети. Десятки. А сколько их еще в тумане? На некоторых из них надеты яркие, цветные одежды, на других – строгие мундиры. Кто-то был голым. Вот старик в халате с серыми, пустыми глазами прошел, шаркая ногами, мимо Элизабет. Чуть дальше шагал военный с густой бородой и пробитым черепом, чеканя шаг, как в строю. И никто не видел Элизабет. Все замерли, не произнося ни слова, словно загипнотизированные широкой серой рекой. Этим людям можно было принять за застывшие на берегу статуи.

Что-то коснулось Элизабет.

Она не могла сдвинуться с места. Как и все остальные, девушка молча смотрела на реку и если бы только была способна, то задрожала бы от страха. Она слышала, как что-то двигается за ее спиной. Чье-то болезненное дыхание. Нечеловеческое. И вдруг это холодное дыхание коснулось ее шеи.

Что-то дотронулось до спины, и Элизабет показалось, будто всё ее тело горит изнутри. Перед глазами пронеслись какие-то странные видения.

Лагуна, город вдалеке. Белые облака медленно плывут по лазурно-голубому небу, а корабли из стародавних времен приближаются к городу, подняв на ветру паруса. Элизабет слышала, как потрескивает дерево, как кричат моряки, скрипят снасти.

Церковь. Элизабет замерла рядом с органом: его звуки едва заглушают вздымающиеся к сводам рыдания. У алтаря стоит гроб, окруженный свечами, а все скамьи в церкви – пустые. Но рыдания становятся всё громче и громче.

Видения из глубины веков следовали одно за другим.

Огромное оливковое дерево посреди пшеничного поля. В тени его могучих ветвей укрылись три едва одетых человека. Они прислонились к стволу. Один из них нервно зашептал и широко открыл глаза. Встал на ноги, глаза его округлились еще больше. Вдруг он заметил Элизабет и в ужасе закричал.

Казалось, время бежало так быстро, что сама природа умирала и перерождалась каждое мгновение.

Древний каменный храм на вершине горы рухнул. Когда обвалилась крыша, на руинах появилась старуха с длинными седыми косами. Она восседала среди всего этого хаоса на выбеленной штормами каменной скамье. Вокруг нее лежали бесчисленные подношения – до Элизабет доносился их запах.

Горящий посреди ночи замок где-то на холмах. Всадники скачут во весь опор; кажется, некоторые что-то кричат Элизабет. Вооруженные люди спасаются бегством. Пламя добралось уже до самой высокой башни. Девушка заметила чью-то неподвижную тень там, наверху, среди огня.

И вдруг пейзажи и здания исчезли, а в паре сантиметров от лица Элизабет оказалась изогнутая металлическая пластина – за ней раздавалось ледяное хриплое дыхание, то самое, что почувствовала девушка ранее. Пластина склонилась над ней, и девушка поняла, что это грубая маска. Существо в маске изучало Элизабет. Ей отчетливо послышался звон монет.

Видение растворилось в черном облаке – и всё исчезло.

Когда Элизабет пришла в себя, то оказалась в Лондоне. Было светло, дождь прекратился. Она парила над зеленым парком. Тут девушка поняла, что парк – это кладбище. Четверо мужчин в черном шли уверенным шагом и несли гроб в сопровождении пятого – тот торжественно размахивал кадиллом.

Элизабет в ужасе замерла: здесь были ее родители. Отец и мать держали друг друга под руки. Она тут же заметила их покрасневшие от слез щеки, опухшие глаза. Они с трудом передвигали ноги, не отрывая взгляда от гроба. Процессия медленно проследовала по аллеям кладбища и остановилась перед свежевыкопанной могилой.

Человек во главе похоронного шествия произнес речь. Элизабет не поняла, что он говорил. Он покачал кадиллом, перекрестил воздух и сделал шаг назад, чтобы мужчины могли медленно на веревках спустить гроб в яму.

Ей так хотелось крикнуть им, что она здесь, что она их видит, пусть и не слышит. Ей так хотелось обнять и успокоить родителей, но Элизабет ничего не могла сделать – оставалось лишь молча наблюдать за происходящим до конца.

Ее отец, а потом и мать с трудом бросили по горсти земли и несколько цветов на гроб, а потом неподвижно стояли, всхлипывая, в то время как мужчины взялись за лопаты, чтобы закопать могилу. Священник пожал руки родителям Элизабет, прошептал несколько слов, понимая, что это не утихомирит боль утраты, и удалился.

Ее родители постояли какое-то время у последнего пристанища дочери. Они поцеловали деревянный крест с ее именем, водруженный на могиле до установки мраморного памятника, а потом неохотно покинули кладбище. Сердце Элизабет разрывалось на части. Мысли ее путались. Она просто смотрела вслед родителям, пока те не исчезли из виду.

На землю медленно опускались сумерки. Элизабет всё еще была здесь, прямо над собственной могилой. Так вот что значит умереть? Должны ли мы сопровождать тело, в котором провели всю жизнь, пока оно полностью не исчезнет? Она даже не пыталась очнуться от этого оцепенения. Пусть время идет, лишь бы прекратились мучения.

Уже настала глухая ночь, когда Элизабет заметила какое-то движение. У входа на кладбище зашевелилась чья-то тень – мужчина в широком плаще с фонарем в руках. Он прошел через ворота и углубился в кладбищенские аллеи, рассматривая надгробья одно за другим.

Человек в плаще шел медленно, при свете фонаря вчитываясь то здесь, то там в надписи на памятниках, и, кажется, даже рассмеялся у входа в чей-то склеп. Элизабет наблюдала за ним: он добрался до места, которое ей пришлось признать своей могилой. И тут случилось кое-что удивительное: ей показалось, будто она парит всё ниже и ниже, земля притягивала ее, словно на нее снова действовала гравитация.

Мужчина присел у могилы на корточки и осветил фонарем деревянный крест, когда Элизабет уже практически стояла ногами на земле. В пляшущем свете незнакомец прочитал шепотом надпись, и девушка четко расслышала, как он произнес:

Элизабет Блэк
1867–1887

Глава пятая

Возвращенные

– А-а-ах-х-х!

Элизабет почувствовала, как воздух наполнил ее легкие, открыла глаза – всё ее тело дрожало, а мышцы были натянуты, как скрипичные струны. Девушка застучала руками и ногами по стенкам и потолку, пытаясь выбраться.

Где она? Элизабет понятия не имела. Ей казалось, будто она только что очнулась после жуткого кошмара и не в своей постели. Она почувствовала запах только что срубленной древесины. Вокруг – непроглядная, беспросветная темнота. Вдруг ей в нос ударил сильный запах земли. Девушка принялась царапать деревянные стенки вокруг себя. В тесном ящике, где она проснулась, было негде развернуться. Придя в ужас от мысли, что ее здесь заперли, Элизабет начала стучать, царапать и кричать. Изо всех сил.

После нескольких мгновений паники страх и боль в мышцах лишили ее сил. Она собралась с мыслями, пытаясь проанализировать ситуацию.

Ее похоронили заживо.

– На помощь! На помощь! Кто-нибудь меня слышит? – закричала Элизабет, что есть духу колотя по крышке гроба.

До нее донесся глухой стук, но она не поняла, что это было. Девушка забарабанила еще громче.

– Умоляю! Прошу вас, я еще жива!

На этот раз стук прозвучал четче, а затем послышались низкий мужской голос и какой-то странный скрежет. Элизабет поняла, что кто-то орудует лопатой над ее подземной тюрьмой. Она улыбнулась, но боязнь замкнутого пространства взяла верх – девушка снова заколотила по крышке и закричала как можно громче:

– Поторопитесь там! Я задыхаюсь!

– Можете сами попробовать копать, если думаете, что это так легко, – ответил голос снаружи.

Но Элизабет задыхалась. Надо выбраться отсюда как можно быстрее.

– Умоляю! Помогите, скорее! – взмолилась она, прислушиваясь к ударам лопаты.

Наконец до Элизабет донесся глухой стук о крышку гроба. Мужчина продолжил копать. Вдруг к ней вернулись воспоминания – или это все-таки был кошмар? Через какое-то время шум лопаты утих, Элизабет почувствовала, что ее мучения подходят к концу, – тревога совсем рассеялась, когда незнакомец громко сказал:

– Осторожно, я открываю.

Последовал продолжительный треск, гвозди поддались один за другим. Внезапно Элизабет ослепил свет фонаря. Она наконец вдохнула полной грудью. Над головой простиралось мирное ночное небо.

Чья-то рука схватила ее и помогла подняться. Элизабет ощутила ужасную боль во всем теле, тупую и глубокую, приглушенную до этого приступом паники. Ей казалось, что все конечности одеревенели и вот-вот треснут при малейшем движении. Стараясь не шевелиться, Элизабет пыталась привыкнуть к свету, постепенно открывая глаза. Она обратилась к стоящему перед ней силуэту:

– Я искренне благодарна вам, мистер. Не знаю, как вы догадались, что меня похоронили заживо. Я... я должна рассказать всё родителям, умоляю вас, отведите меня к ближайшему телеграфу, мне нужно срочно их предупредить! – взволнованно проговорила Элизабет, пытаясь забыть обо всем, что пришлось пережить.

Нужно действовать. Немедленно.

– Боюсь, это невозможно, – серьезно ответил ей мужчина.

Элизабет изумленно вытаращила глаза. Только сейчас она заметила яму, где ее закопали, оторванную гробовую крышку, деревянную лесенку, приставленную к краю могилы, и лопату, торчащую из кучи сырой земли.

Незнакомец тоже постепенно приобрел черты по мере того, как глаза Элизабет привыкли к слабому свету фонаря. На вид ему было лет сорок, одет в типичный темный костюм. Но в остальном его наряд сильно отличался от обыкновенной одежды горожан: широкое черное пальто со свисающими рукавами и капюшоном скорее напоминало плащ, пышные складки которого скреплялись на плече серебряной застёжкой. Угловатое лицо венчала шапка густых каштановых с легкой проседью волос, обрамлявших длинными прядями скулы.

От него сильно пахло одеколоном. Слишком сильно. Смешавшись с запахом сырой земли, этот аромат ударил Элизабет в голову. Девушке казалось, что запахи давят на нее со всех сторон. Может, ее чувства обострились после того, как она воскресла? Она не знала, но сейчас были дела поважнее.

– Послушайте, мистер, я вам действительно благодарна, – твердо заявила девушка, – но я должна предупредить родных. Я уверена, моя семья непременно вас как-нибудь вознаградит!

– Увы, – печально продолжил ее собеседник, – боюсь, что всё гораздо сложнее, чем вы предполагаете.

– Это еще почему? – удивилась смущенная Элизабет.

– Да вечно одно и то же, – вздохнул он. – Итак, если позволите, постараюсь объяснить вам всё покороче. У нас будет еще много времени об этом потолковать.

Элизабет попыталась медленно выпрямиться, стараясь не беспокоить ноющие суставы. Девушка не скрывала злости на этого подозрительного человека. С демонстративным недовольством на лице она сухо ответила:

– Говорите.

Тот снова взялся за лопату и черенком постучал по стоявшему позади Элизабет деревянному кресту.

– Вы не сможете вернуться к родным, потому что вы мертвы, – спокойно произнес он, будто сообщая какую-то банальность. – Здесь ясно написано: «Элизабет Блэк, 1867–1887».

– Но я жива! – воскликнула Элизабет, пошевелив болевшей рукой. – Вы же сами видите! Бред!

– Вы двигаетесь, говорите и дышите – вот что я вижу, – признался он. – Скажем так, смерть устроена несколько иначе, чем вы себе представляли.

– Вы спятили! – возмутилась она.

– Подождите всего секунду и сами увидите, что я прав.

Незнакомец достал из кармана лист бумаги, аккуратно сложенный вчетверо, и прочитал:

– «Имя: Элизабет Блэк. Дата смерти: 19 июля 1887. Причина смерти: Убита из огнестрельного оружия». Всё верно, не так ли?

– Да! Нет! – растерявшись, ответила Элизабет. – Ранена! Посмотрите на меня!

– Вы думаете, что я ошибаюсь? – сказал он, улыбнувшись. – Хорошо, тогда знакомо ли вам следующее: ощущение, будто вы вышли из собственного тела? Туманные пустоши? Широкая река? Люди вокруг? Огонь внутри, видения? Маска? А? – спросил он, опершись на лопату. – Я ошибаюсь или всё же я точно знаю, через что вы недавно прошли?

Элизабет стояла как вкопанная. Мужчина описал то, что видела только она одна, словно это было нечто самое обыкновенное. Девушка вопросительно на него посмотрела:

– Кто вы? Откуда вам всё это известно?

– Наверное, с этого стоило начать, вы правы. Доктор Дункан Тёрнер. К вашим услугам, – произнес он и отвесил поклон. – А что же касается того, почему мне известно всё, что вы

видели, так это потому, что и я тоже мертв. Однако не хотели бы вы обсудить все детали в другом месте, нежели в собственном гробу?

Элизабет вспомнила, что до сих пор стоит на дне своей могилы. Она опустила глаза и заметила на себе черное платье – в таких обычно хоронят покойников.

Тёрнер ловко перевернул лопату и протянул ей черенок, чтобы девушка могла взяться за него и выбраться по лесенке. Она осторожно ухватилась за лопату и обернулась, чтобы взглянуть на опустевший гроб, – странная сцена. Это был *ее* гроб.

Пока Элизабет, с трудом держась на ногах, отряхивала платье, Тёрнер небрежно взялся за лопату. Он забросал землей пустую могилу с озадачивающей легкостью, а затем с улыбкой сказал:

– А теперь уходим, пока нас не застали за раскапыванием покойников!

Элизабет перечитала еще раз собственную эпитафию и поторопилась вслед за доктором, хотя всё ее тело превратилось в сплошную боль.

Они подошли к воротам кладбища, где их ожидал скромный экипаж, запряженный одной уставшей лошадью, бившей копытом брусчатку.

В этот час улицы пустовали, а заведения вокруг, в основном похоронные бюро, были, естественно, закрыты. Элизабет и Тёрнер заметили лишь одно освещенное окно на последнем этаже какого-то здания, и ничего больше. Через несколько мгновений они услышали, как жалобно заскулила собака. Звуки цоканья копыт, наполнявшие улицы города днем, рассеялись с наступлением ночи.

Тёрнер открыл дверцу экипажа: внутри, на потертom сиденье, лежала большая кожаная сумка. Он достал из нее флакончик с надписью «Эликсир доктора Тёрнера», буханку хлеба, ветчину, фляжку и нож.

– Флакончик поможет от *rigor mortis*.

– Что за *rigor mortis*?

– Трупное окоченение. По этой причине у вас так болят суставы. Выпейте флакончик до дна. Закусите хлебом и ветчиной. Вы ведь голодны, не так ли? Ешьте медленно. – Элизабет взглянула на него с благодарностью. – Вам также нужна вода, поэтому выпейте флягу до дна, пока мы не добрались до места.

– И куда же вы меня везете?

На губах Тёрнера промелькнула улыбка.

– На задание, мисс Блэк! Приходите в себя. У вас под ногами стоит чемодан, где вы найдете во что переодеться. Мне надо, чтобы сегодня вечером вы притворились моей слабой и больной племянницей. Вы прекрасно справитесь с этой ролью... Кроме того, лучше один раз увидеть, чем сто раз услышать!

Элизабет ничего не понимала и молчала.

Не сказав ни слова, Тёрнер помог ей забраться в экипаж и, прежде чем закрыть за ней дверцу, торжественно произнес:

– Добро пожаловать к Возвращенным в Орден Харона!

Глава шестая

Бал стариков

Над лондонскими крышами раздался звук церковного колокола – пробило полночь. Экипаж остановился у особняка. Элизабет выпила отвратительный на вкус эликсир и набросилась на еду: девушка действительно была очень голодна. Затем она переделалась в одежду, которую ей предоставил Тёрнер: строгую блузку и юбку.

Когда Элизабет снимала свое платье, то почувствовала на спине что-то странное и быстрым движением нащупала шрам в том месте, куда попала пуля. Она вздрогнула и больше не осмелилась его трогать.

Заметив, что Тёрнер положил в чемодан флакончик духов, она побрызгалась ими. Девушка скривилась: никогда еще запахи не казались ей такими резкими. Но по крайней мере на ней сейчас уже не было похоронного платья, больше не пахло сырой могилой, а эликсир подействовал: конечности обрели определенную гибкость.

За окном экипажа уличные фонари отбрасывали на стены особняка теплый оранжевый свет, в котором четко выделялись скульптуры львов и украшавшие здание лепные гербы. Так выглядел каждый дом в этом шикарном районе: казалось, они словно соревнуются в архитектурном изяществе.

Тёрнер открыл дверцу экипажа и протянул Элизабет руку, чтобы помочь спуститься. Поглощенная мыслями, девушка замерла на месте, пытаясь понять, где она. Элизабет окинула взглядом улицу. Она *никогда* раньше не бывала в этом районе. Девушка попыталась представить, чем они с Тёрнером собираются здесь заниматься, однако сложно было найти хоть какую-то зацепку. У доктора, успевшего накинуть на плечи тяжелый плащ, в уголках губ играла лукавая усмешка, словно его забавляло неведение Элизабет.

– Где это мы? Зачем мы сюда приехали? – спросила Элизабет.

– Нам надо решить вопрос с одним просроченным контрактом.

– Но о чем это вы? Я устала, доктор Тёрнер. Я бы хотела, чтобы вы говорили яснее.

Тёрнер вздохнул. Элизабет вскрикнула от неожиданности, когда он легонько толкнул ее, чтобы сесть рядом в экипаже. Он закрыл за собой дверцу, проверил, что никто их не слышит, и сосредоточенно повернулся к Элизабет.

– Прошу прощения, что не объяснил вам происходящее раньше, но я управлял экипажем и не мог кричать, чтобы вы меня расслышали, так как эта информация конфиденциальна. Перейдем к делу: мы приехали в особняк одной высокопоставленной персоны, именующей себя мистером Фоксом.

– И что вам от него нужно? – поинтересовалась Элизабет.

– Что *нам* от него нужно, мисс Блэк. Вы теперь одна из Возвращенных. Как и я.

– Вы можете изъясняться понятнее, черт побери?! – разозлилась Элизабет. – Эти события вымотали меня, и я хочу, чтобы кто-нибудь хотя бы раз удосужился объяснить мне, что здесь происходит.

– Скоро вы получите ответы на все ваши вопросы, поверьте. Но сегодня ночью меня ждет одно очень срочное дело... поэтому буду краток, раз уж вам так хочется ясности: вы мертвы, мисс Блэк. Вы умерли, а ваша душа отправилась к другим таким же душам на берега Стикса.

– Стикса? Реки из древнегреческой мифологии? Но ее же не существует! – воскликнула Элизабет.

– Ох, ну только не так громко! – проворчал Тёрнер, еще раз осмотревшись. – Вы вернулись с того света, но почему-то существование Стикса вам до сих пор кажется невероятным. Нет уж, увольте! Короче, время идет, а нас ожидает мистер Фокс. Там, на берегах Стикса, вас

избрал Харон, перевозчик. И вместо того чтобы отправить в царство мертвых, он вернул вас сюда.

– Но почему именно меня? – растерянно спросила Элизабет.

– Никто не знает. Мне известно лишь, что он отправляет нас обратно, чтобы отлавливать Обманщиков Смерти. Смертных, которым удалось избежать своей судьбы. А мы здесь для того, чтобы восстановить равновесие. И сегодня вечером несколько Обманщиков собрались у мистера Фокса. Итак, мы заходим, вы разыгрываете комедию, мы приводим дела в порядок, а потом я отвезу вас туда, где вам всё объяснят. Хорошо?

Разве у Элизабет есть выбор? Тёрнер, должно быть, прочел эту мысль по ее глазам, поскольку открыл дверцу, вышел из экипажа и помог ей спуститься. Он кивнул в сторону ворот особняка, украшенных парой каменных львов.

– Сегодня ночью вас зовут Виктория Тёрнер. Вы моя племянница, которая страдает от неизлечимой болезни, а потому такая бледная и напряженная. Вы только что приехали в город, именно под этим предлогом я смог убедить мистера Фокса собрать друзей-Обманщиков. Чтобы попытаться излечить вас с помощью своих запретных знаний.

– Не знаю, буду ли я в состоянии... – пробормотала всё еще растерянная Элизабет.

– Напротив! – обронил Тёрнер. – Именно потому, что вы в таком состоянии, вы отлично справитесь со своей ролью! Просто следуйте за мной, и я обо всем позабочусь.

Не медля ни минуты, он направился к воротам со львами, которые со скрипом распахнулись. Нерешительным шагом Элизабет последовала за ним к освещенному крыльцу особняка.

Тёрнер громко постучал дверным молотком, дверь открылась, и перед ними показалась элегантная прихожая с зелеными обоями, освещенная золотой люстрой. За дверью Элизабет ожидала увидеть лакея, однако их встретил низенький старичок с аккуратно подстриженной бородкой, одетый в расшитый золотом сюртук. Как гостеприимный хозяин, он широко распахнул им свои объятия. На его морщинистом лице появилась любопытная улыбка, будто ему было особенно забавно застать на пороге именно этих двух гостей.

– Доктор Тёрнер! – радостно воскликнул он. – Добро пожаловать, прошу, входите!

– Добрый вечер, мистер Фокс. Позвольте представить вам Викторию Тёрнер, мою племянницу.

– Виктория! – повторил старичок, пристально взглянув на Элизабет. – Прямо как наша славная королева. Вот подходящее имя для верной подданной! Так это она наша особая гостья... Какая бледная! Но, бог мой, девушка прекрасна! Ей повезло, что она не похожа на своего дядю!

Тёрнер и Фокс вежливо посмеялись этой шутке. Элизабет молчала. Не только потому, что ей совершенно не хотелось веселиться, но и потому, что не могла оторвать от Фокса глаз. Он казался милым. Неужели этот человек действительно умрет сегодня ночью?

Элизабет почувствовала руки Тёрнера на своих плечах. Он старался подчеркнуть перед Фоксом, что девушка для него очень важна. Элизабет слегка покраснела, удивившись внезапному прикосновению. Но ведь Тёрнер вытащил ее из могилы и попросил ему подыграть, поэтому она решила просто молчать и следовать за доктором.

Фокс отвел их в соседнюю комнату – настоящую кунсткамеру. Здесь в витринах были выставлены разные предметы, один удивительнее другого: сломанные копья, склянки с чем-то подвижным и туманным внутри. Но всё это меркло в сравнении с восточными вазами и чучелами животных. На стене висела голова носорога: животное умерло давным-давно, но, казалось, наблюдало за всем окружающим.

Трое джентльменов, сидевших вокруг журнального столика с пепельницей, встали со своих удобных кресел и поприветствовали новых гостей, не выпуская сигар из рук. Одному из них на вид было лет пятьдесят: высокий, тощий, кожа да кости. Казалось, он утонул в слишком широком фраке, а по обе стороны от его крючковатого, как орлиный клюв, носа распо-

ложились пронизательные глазки. Рядом с ним стоял другой джентльмен в похожем фраке, невысокий, но шире в плечах – было видно, что он из отставных военных и уже успел несколько располнеть. Он выглядел лет на десять моложе своего соседа, а на голове носил темный парик, едва прикрывавший его обширную лысину. Наконец, последний господин подозрительно походил на хозяина особняка. Поправив монокль, он строго уставился на новых гостей. Фокс широко распротер руки в сторону уже присутствующих здесь людей и повернулся к Элизабет.

– Мисс Тёрнер, мои гости сегодня вечером. Мистер Бейкер. – Он показал на самого высокого, склонившегося в глубоком поклоне, чтобы их поприветствовать. – Полковник Уиллис и, наконец, мистер Джеремиа Фокс, мой брат.

– Очень приятно, – смущенно произнесла Элизабет.

– Доктор Тёрнер, – продолжал хозяин особняка серьезным тоном, – вот уже долгое время вы выражали желание поприсутствовать на нашем вечере. Я вас предупредил: вы сможете прийти только в том случае, если будете нуждаться в моих услугах по, скажем так, особым причинам.

– Я понимаю, мистер Фокс. Ваши услуги, если они и правда эффективны, слишком дороги, чтобы относиться к ним безрассудно. Вы скрытный человек, и на то есть причины. Я польщен оказанным мне доверием, равно как и приглашением прийти на ваш вечер, где мы сумеем, возможно, излечить мою племянницу.

– Дело не в доверии, – возразил Фокс, – а в осторожности. Я уже дал вам понять, что наш узкий круг джентльменов владеет знаниями, которые превосходят навыки обыкновенного врача вроде вас. Приведя ко мне племянницу, вы не только даете мне повод доказать превосходство этих знаний, но и остаетесь у меня в долгу. Выздоровление Виктории наладит особую связь между нами и обеспечит мне вашу верность.

– Мистер Фокс, я надеюсь, что вы говорите правду, потому что если вы подаете ложные надежды моей племяннице...

Тёрнер заговорил очень серьезно, почти угрожающе. Однако уверенные в себе мужчины переглянулись, хитро улыбаясь. Фокс даже хихикнул, прежде чем пригласить гостей следовать за ним. Скоро Элизабет, Тёрнер и всё окружение Фокса прошли через маленькую дверцу в глубине комнаты и спустились по лестнице, ведущей в подвал особняка. Оказавшись внизу, они подошли к тяжелой железной двери: Фокс с громким лязгом отпер три замка. Глаза Элизабет полезли на лоб, когда она увидела, что скрывалось за той дверью.

Помещение выглядело как настоящая потайная часовня. Стены были завешены старинными тяжелыми драпировками и покрыты напоминавшими руны надписями. Элизабет спрашивала себя, чем же таким их могли нарисовать: бурый цвет потрескавшихся линий не внушал ничего хорошего. В воздухе витал запах свечного воска и кожи. С потолка свисали цепи: на одной из них крепилась старинная люстра, освещавшая своими свечами располагавшийся в центре огромный круглый стол, накрытый красной скатертью.

Фокс бросился зажигать свечи на столе: казалось, его жесты отточены до автоматизма. Рядом со столом на высокой подставке лежала необыкновенных размеров книга. Даже стоя у двери, Элизабет могла с уверенностью сказать, что книга была древней – стоило только взглянуть на грубую выделку кожаной обложки и плохо разрезанные страницы.

Комнату обрамляли перевернутые лицами к стене портреты, словно изображенным на них персонажам было запрещено смотреть на происходящее здесь...

Высокий тощий джентльмен по имени Бейкер прошествовал за одну из драпировок, достал красную накидку с капюшоном, надел ее и зажег свечи на подставке. Затем он торжественно открыл огромную серую книгу.

Старики заговорщически улыбались друг другу, но тут Тёрнер произнес:

– Перед тем как мы начнем, я хотел бы осмотреть помещение. И взглянуть на эту книгу.

– Невозможно! – завопил Бейкер, бросившись к древнему фолианту, словно стервятник на труп. – Вы не имеете права...

– Спокойно, Бейкер! – отрезал Фокс. – Доктор Тёрнер, зачем вам книга?

– На карту поставлено благополучие моей племянницы. И хотя у меня нет другой надежды на ее выздоровление, кроме вашей помощи, я не хочу стать жертвой дешевого спектакля. Ох, конечно, я сомневаюсь... Ведь я – человек науки. Мне нужно проверить, что здесь всё чисто. Прошу прощения, но речь идет о моей племяннице...

Тёрнер отвернулся, словно пытался скрыть наворачившиеся на глаза слезы.

– Замечательно! – с широкой улыбкой сказал Фокс. – Тогда осмотритесь, если вам так будет спокойнее. Только постарайтесь ничего не сломать...

Пока джентльмены самоуверенно обменивались насмешливыми взглядами, Тёрнер встал и обошел вокруг стола, проверив всё сверху и снизу. Он приблизился и к подставке, Бейкер скривился, но, после того как Фокс махнул ему рукой, все-таки отодвинулся от драгоценной книги. Тёрнер склонился над фолиантом и прищурился. Внезапно он взглянул на Элизабет и тревожно спросил:

– Виктория! Тебе плохо?

Все повернулись к девушке, которая не сразу сообразила, почему Тёрнер к ней обратился. Она промямлила что-то вроде: «Да... кажется», – но быстро осознала, что доктор отвлекает их внимание: теперь собравшиеся смотрели только на нее. При свете свечей ей показалось, будто, прикоснувшись к книге, Тёрнер выпустил из рук что-то вроде черных дымовых завитков. Эти завитки ужасно походили на черное облако, в котором исчезла металлическая маска из ее видений несколькими часами ранее. Элизабет мгновенно всё вспомнила.

– Ой, мне показалось... Наверное, из-за освещения, – солгал Тёрнер, а потом спокойно вернулся к Элизабет и сел рядом.

Фокс погладил свою седую бородку, на его губах заиграла безмятежная улыбка:

– Ваше любопытство удовлетворено, доктор Тёрнер? Никаких уловок, как видите. Теперь повторяйте за нами. Положите ладони на стол и сосредоточьтесь, церемония начинается. Вы станете свидетелями настоящего искусства, способного спасти тех, от кого отказалась ваша медицина. И ни одна наука с этим не сравнится.

Он глубоко вдохнул и гордо объявил:

– Сегодня вечером мы бросим вызов самой Смерти!

Глава седьмая

Черная месса

Стоя перед книгой, Бейкер поднял руки: в капюшоне он был похож на зловещего служителя древнего культа. Когда он открыл рот, Элизабет не поняла ни слова. Он нараспев читал на неизвестном языке какое-то заклятье удивительно низким голосом и рисовал в воздухе невидимые фигуры, напрягая руки так сильно, как будто хотел порвать границы пространства.

В напевах Бейкера Элизабет распознала только имена присутствовавших – тот произносил их одно за другим, будто они с трудом вырывались из его горла. Остальные мужчины тоже запели, но тихо, занимая каждый свое место в черной мессе. Через несколько минут ветер колыхнул пламя свечей, и старики вокруг стола с наслаждением принялись, словно почуяли что-то особенное. Фокс повернулся к Тёрнеру, чтобы посмотреть на его реакцию, но тот стоял с непринужденным видом.

Воздух заколебался сильнее, огонь свечей заплясал вокруг фитилей, тени закачались. Казалось, морщины на лицах стариков углубились, а сами участники мессы стали тревожнее. Их черты исказились, приобретая демонический вид. Внезапно Джереми Фокс разразился хохотом одержимого. Он проорал Тёрнеру:

– Я ее чувствую! Жизнь! Чувствуешь ли ее ты, несчастный глупец, человек науки?

Но врач отреагировал совершенно не так, как ожидал Фокс.

К удивлению Элизабет и всех собравшихся, Тёрнер встал и достал из кармана четыре пожелтевших листа бумаги: с ее места Элизабет показалось, будто это какие-то древние контракты. Порывы жуткого неземного ветра свирепствовали в комнате, развевая плащ доктора. Перекрикивая стихию, Тёрнер заговорил громко – так, что все его услышали:

– Господа, Смерть требует возвращения долгов. Улисс Фокс, вас приговорили отправиться на тот свет 12 января 1886 года, вашему брату Джереми Фоксу предстояло составить вам компанию 29 июля 1886 года – оба вы скончались бы от наследственной болезни. Итон Уиллис, вас призвали в царство мертвых 9 сентября 1886 года из-за многочисленных ранений, которые вы получили, служа Короне.

– Доктор, о чем вы, черт побери? – заорал Уиллис, удерживая одной рукой парик: воздух вокруг них вихрился, ветер завывал громче и громче, грозя унести всё за собой.

– Что же касается вас, Сэмюэль Уолтер, так называемый Сэмюэль Бейкер, именно вы поделились своими открытиями с присутствующими здесь джентльменами. Вы должны были умереть 25 декабря 1885 года после продолжительной болезни. Итак, час пробил.

Бейкер – или Уолтер, если Элизабет могла верить своим ушам, – произнес последнее слово ритуальной песни с пронзительным криком. Его руки крепче вцепились в подставку, и Элизабет услышала, как затрещало дерево.

Порывы ветра внезапно сменили направление и взмыли к своду. Волосы на голове Элизабет встали дыбом и тут же упали обратно на плечи, когда буря мгновенно утомилась и всё вокруг стихло, словно ничего и не было. Все молчали, но Элизабет казалось, что она слышит, будто в тени часовни кто-то шептался.

Бейкер осторожно поднял голову: черты его изменились, словно стали слишком широкими для его лица. Он злобно взглянул в сторону Элизабет и Тёрнера, пока остальные гости, лица которых исказила невыразимая ярость, медленно поднимались со своих мест.

Элизабет с тревогой посмотрела на дверь за спиной, потом на Тёрнера, который по-прежнему держал контракты в руках. Он чувствовал себя явно лучше, чем Элизабет.

Фокс заговорил первым:

– Боюсь, вам придется объясниться, доктор Тёрнер. Ритуал, который мы только что провели, не только продлил нашу жизнь, но и вернул былые силы. У вас нет ни шанса выстоять против нас четверых.

– Ну же, господа, – презрительно сказал Тёрнер, – вы действительно думали, что сможете *обмануть* Смерть без всяких последствий?

– Мы *победили* Смерть! – закричал Бейкер в экстазе.

– Ложь, – спокойно продолжал Тёрнер, хотя Элизабет уже пробирала дрожь от одного вида разъяренных стариков. – И вы в этом скоро сами убедитесь.

– Наглости вам не занимать! – прогремел Фокс, сделав шаг в сторону Тёрнера и сжав кулаки. – Приказываю вам объясниться!

– Старая шотландская поговорка гласит, что в жизни есть только две неизменные вещи: налоги и смерть. А я к вам не за налогами пришел. Был бы рад объяснить всё в деталях, но у нас мало времени. – Он достал из кармана серебряные часы и невозмутимо на них посмотрел. – Так как вы умрете через три... два... один...

В ту самую секунду, когда Тёрнер поднял глаза, чтобы взглянуть на своих собеседников, Элизабет увидела, как ярость на их лицах сменилась удивлением, а потом – болью. Старики схватились за грудь и, хором застонав, повалились замертво на пол, напрасно хватая открытыми ртами воздух. Бейкер рухнул, прижимая к груди свою колдовскую книгу, будто она могла защитить от участи, которая наконец его настигла.

Элизабет молча сидела на стуле и смотрела на тела, не решаясь произнести ни слова. Она подняла глаза к Тёрнеру – тот забрал книгу из коченеющих рук Бейкера.

– Доктор Тёрнер... Как... Что это... – пролепетала девушка.

– Я же вам говорил, мисс Блэк, – сказал доктор, листая фолиант. – Я уже долгое время пытаюсь пробраться сюда и застать этих Обманщиков Смерти всех вместе. Если бы я обрабатывал каждого по отдельности, они бы что-нибудь разнюхали и смогли бы сбежать. Что же касается «как», я давно догадывался о ритуале, который они проводили. Классика, зависит от лунных месяцев... Избавлю вас от подробностей. Ритуал можно найти только в одной особой магической книге, известной нашей организации, – произнес он, похлопав по внушительному фолианту. – Мне оставалось только написать другую страницу и вставить ее в оригинал. Поэтому наши друзья, сами того не зная, только что лишили себя жизни вместо того, чтобы ее продлить. Вот так всего одно слово в заклинании может много чего изменить.

Тёрнер сунул книгу под мышку и гордо улыбнулся Элизабет, которая до сих пор не могла оторвать глаз от трупов. Это выражение удивления и боли, застывшее на их лицах...

– То есть это так? – воскликнула она дрожащим от волнения голосом. – Я вернулась с того света, чтобы убивать людей? Вы хотите, чтобы я этим занималась, Тёрнер?

Улыбка стерлась с губ Тёрнера. Элизабет не понимала, как можно так радоваться тому, что ты отнял у кого-то жизнь. Доктор подошел к ней, но она резко вскочила со стула и отпрянула назад.

– Не прикасайтесь ко мне, Тёрнер! После того, что вы...

– После того, что *мы* сделали, мисс Блэк, – спокойно произнес он. – Без вас у меня ничего бы не вышло.

– Даже не пытайтесь меня в это впутать! – закричала она, сделав еще шаг назад.

– Мисс Блэк, – настаивал доктор, подавшись вперед, – я знаю, о чем вы думаете. Но эти люди уже были мертвы. Мы, Возвращенные, должны...

– Должны что? – сказала Элизабет, глаза ее затуманились слезами гнева и смятения. – Обманывать людей? Убивать их? Я не такая, как вы, Тёрнер! Мне здесь нечего делать!

Он подскочил к ней с удивительной быстротой и взял девушку за руки. В лице доктора застыло нечто необыкновенно пугающее.

– Никто не должен заниматься подобным, Элизабет! Никто! – властно произнес Тёрнер. – Ни вы, ни я! Но у нас нет выбора! Если мы не будем этого делать, то умрем! В конце всего нас ждет Смерть. Нравится вам это или нет, но вы теперь ей служите!

Элизабет отпрянула, и они замерли на мгновение, с вызовом глядя друг на друга. Наконец девушка отвернулась и снова посмотрела на трупы.

– У меня нет выбора, – просто сказала она.

– Нет.

– И у вас нет.

– Нет.

– А если мы не будем это делать...

– ...то умрем, – закончил Тёрнер. – Зачем Харону Возвращенные-бездельники? И я знаю, о чем вы думаете, – сказал он, посмотрев в свою очередь на трупы. – Что было бы правильно просто умереть, чем убивать других. Но раз вы ищете справедливости, то спросите себя: что же произойдет, если мы откажемся? Люди получают неограниченный доступ к бессмертию, да еще и безнаказанно. И если никто их не остановит, тогда все, кто боится смерти, будут служить им, надеясь добраться до их тайн. И вы окажетесь в самом несправедливом из миров: бессмертные станут править покорными смертными. Князья, короли и крестьяне равны перед Смертью – так и должно оставаться. Повторяю, мисс Блэк: мы не убиваем. Мы не забираем жизни у людей. Мы просто исправляем то, что не должно было случиться.

Элизабет какое-то время молчала. Она никак не могла согласиться с тем, что сотворил Тёрнер. С тем, что он сделал с этими людьми, которых Элизабет даже не знала. Но Тёрнер прав в одном: выбора у нее не было. Хотя она и не понимала, почему избрали для подобных вещей именно ее. В ней нет ничего особенного, никакого таланта, почему она? Элизабет отвлеклась от своих размышлений, заметив, что Тёрнер по-прежнему смотрит на нее. Она почти боялась, что он прочтет ее мысли.

– А теперь? – спросила девушка самым уверенным тоном, на который только была способна.

– Теперь уходим. Вас ждут в другом месте.

– В другом месте? – удивилась Элизабет. – А... а эти тела? Что с ними делать?

– Так оставим, – бросил Тёрнер, пожав плечами. – Фокс отпустил прислугу на вечер, чтобы их никто не беспокоил. Кто-нибудь обнаружит здесь завтра трупы, позовут полицию. Какое-нибудь объяснение этому дикому хаосу обязательно найдется. Яд, например... Что же касается расследований... Возвращенные знают, как сделать так, чтобы до них никто не добрался.

– Хотите сказать, мы их оставим прямо в этом...

Увидев отвращение Элизабет, Тёрнер, дружески улыбнувшись, протянул ей руку. Но едва он сделал шаг вперед, девушка отпрянула, словно инстинктивно опасаясь, что ее коснется тот, кто только что рассказал все эти ужасы.

Она запнулась обо что-то мягкое и упала на спину. Тёрнер подбежал к ней, но Элизабет уже оказалась на полу нос к носу с телом полковника Уиллиса. Его мертвые глаза смотрели на нее с мольбой, и девушка открыла рот, пытаясь закричать. Вдруг она ослабела, почувствовала что-то в горле, отвернулась в сторону и ее стошнило.

Это было выше ее сил. Всю свою жизнь Элизабет просто хотела выпутаться из рутины. Но теперь она отдала бы что угодно, лишь бы снова вернуться к привычному состоянию дел. Элизабет полностью покинули силы, и ей пришлось опираться на Тёрнера, чтобы добраться до экипажа.

Там, окончательно измученная недавними событиями, Элизабет впала в забытие без сновидений.

Глава восьмая

Переход

– Просыпайтесь!

Элизабет с трудом открыла глаза. Сквозь налившиеся болью веки она едва различала во мраке мерцающие огоньки свечей. Девушка почувствовала сильный обволакивающий запах благовоний. Потребовалось несколько секунд, чтобы глаза привыкли к слабому освещению. Когда же ее взгляд сфокусировался, Элизабет поняла, что находится посреди огромной комнаты с черными стенами. С потолка свисал на цепи большой фонарь из тех, что крепятся к корме корабля. На укрепленных вдоль стен полках расставлены свечи. Прямо перед ней в очаге приплясывало пламя.

– Ах, ну наконец-то! – воскликнул чей-то пронзительный голосок.

Осознав, что она здесь не одна, Элизабет резко выпрямилась на стуле. Над ней склонилась девочка лет четырнадцати, не больше, с уложенными в пучок длинными каштановыми волосами, которой и принадлежал разбудивший Элизабет голос. На девочке было пышное черное платье, отделанное изящным кружевом и лентами.

Три собравшихся у очага человека тоже рассматривали девушку. Она узнала Тёрнера, теперь в элегантном черном костюме. Доктор кивком дал понять Элизабет, что ей нечего опасаться. Рядом с ним стояла высокая красивая женщина лет тридцати с тонкими чертами лица, также в черном платье. И хотя ее одежда казалась значительно скромнее пышного наряда девочки, в облике молодой женщины присутствовало нечто гораздо более неожиданное и пугающее: небесно-голубые губы. Элизабет с трудом оторвала от нее взгляд и посмотрела на третьего человека у огня – тщедушного косматого паренька с длинными светлыми волосами. Он так скрючился, что казался горбатым. Парень вертел головой во все стороны – явно чувствуя себя неловко, он смотрел то на девочку, то на Тёрнера, то на женщину с голубыми губами, будто ожидал от них приказа. Элизабет заметила, что и на нем была траурная одежда.

Девочка взглянула ей прямо в глаза с очевидной досадой.

– Как вы себя чувствуете, мисс Блэк? – поинтересовалась она с преувеличенной вежливостью.

– Даже не знаю, – призналась Элизабет. – Пожалуй, лучше. Кто вы? И где я?

Из-за плеча девочки Элизабет заметила, как Тёрнер покачал головой, будто она только что совершила ошибку. Девочка в черном поймала взгляд Элизабет и воскликнула, даже не обернувшись:

– Тёрнер, олух вы этакий, незачем подавать мисс Блэк знаки, ей не стоит меня бояться. Она опоздала на церемонию перехода по вашей вине, а не по своей. Но мы поговорим об этом позже. Теперь начнем. Мисс Блэк, встаньте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.